

Духовная школа по воспоминаніямъ ея воспитанника и воспитателя съ 1863 г.

Водготавливаясь къ поступленію въ школу и обучаясь въ ней, мнѣ часто приходилось слышать одно и то же, всѣмъ извѣстное, изреченіе: „корень ученія горекъ, а плоды его сладки“. И это было единственнымъ утѣшеніемъ и поощреніемъ для учащихся при прохожденіи и изученіи положенныхъ въ учебномъ заведеніи предметовъ. Попытокъ же и стремленія сдѣлать этотъ корень менѣ горькимъ не было видно ни со стороны родителей, ни со стороны учителей.

Правда, родители все-таки, такъ или иначе, старались облегчить горькую участь своихъ дѣтей хотя бы, на примѣръ, частымъ услажденіемъ ихъ гостинцами и своимъ сердечнымъ участіемъ въ ихъ горькой долѣ; но со стороны воспитателей и учителей этого старанія не было видно. Они какъ бы забывали, что имѣютъ дѣло съ малолѣтними дѣтьми, нуждающимися въ строгости и ласкѣ, но всегда вели себя сухо, формально и безучастно, а потому и учащіеся держали себя отъ нихъ особнякомъ, не чувствовали къ нимъ никакой привязанности, а только одинъ страхъ. Изъ учащихся дѣтей составлялось такимъ образомъ особое общество, особенный враждебный лагерь, который заботился только о томъ, какъ бы провести и обмануть своего учителя, и чѣмъ кто лучше проводилъ или обманывалъ его, тѣмъ большей похвалы и одобренія онъ заслуживалъ отъ товарищей. Вотъ гдѣ горечь корня ученія и источникъ скрытности, замкнутости учащихся дѣтей и всякихъ

ученическихъ продѣлокъ, какими была особенно богата школа шестидесятихъ годовъ! Въ этихъ годахъ наставниками въ низшихъ духовныхъ школахъ были лица со среднимъ образованіемъ, обыкновенно изъ лучшихъ студентовъ семинаріи. Но какъ теперь, такъ и тогда, наставники приступали къ своему дѣлу безъ всякой практической подготовки и опыта, а подчасъ и безъ основательнаго знанія своихъ предметовъ и существовавшихъ по нимъ учебниковъ и руководствъ, а посему и естественно было имъ говорить: „корень ученія горекъ“. Учащимся тяжело было учиться при безучастности и неопытности ихъ руководителей, не умѣвшихъ надлежаще располагать учебный матеріалъ, отличать въ немъ болѣе существенное отъ менѣе существеннаго, а учителямъ тяжело было руководить учащимися при ихъ неосвѣдомленности въ предметахъ и неопытности, тѣмъ болѣе еще, что эти наставники, при скудности тогдашняго вознагражденія за трудъ, не могли долго оставаться въ своихъ должностяхъ, чтобы пріобрѣсти необходимую опытность и надлежащую освѣдомленность въ своемъ дѣлѣ. Результатомъ такого положенія дѣла въ училищѣ и было то, что учащіеся дѣйствительно обречены были на полное безпомощное одиночество, на упорный и усидчивый трудъ, а посему и успѣвали только даровитые и трудолюбивые, а остальные, просидѣвши въ низшей школѣ до 19 или 20 лѣтъ, ограничивали свое образованіе этой школой, и такихъ въ каждый выпускъ было не мало.

При отсутствіи тѣсной нравственной связи между учащими и учащимися и нравственно-разумнаго воздѣйствія первыхъ на послѣднихъ, въ тогдашней школѣ много было и другихъ неблагоприятныхъ для успѣшности дѣла условій. Дѣти поступали въ училище съ весьма плохой подготовкой, еле умѣющія читать и писать, а приготовительныхъ классовъ не было. Жили учащіеся большею частью по частнымъ тѣснымъ и грязнымъ квартирамъ, группами по 10 и болѣе человекъ, спали на общихъ нарахъ, питались очень скудно на сорокъ рублей въ годъ вмѣстѣ съ одеждой, и оставались почти безъ всякаго надзора и руководства при такихъ квартирныхъ обстановкахъ. Правда, надзоръ и руководство въ дѣлѣ приготовленія уроковъ часто возлагались на старшихъ учениковъ, такъ называемыхъ „авдиторовъ“ или „старшихъ“, но это руководство сводилось въ рѣдкихъ случаяхъ только къ выслушиванію уроковъ, а большею частью къ издѣвательству и наказанію; болѣе существеннаго и разумнаго руководства дѣти не получали не только въ квартирахъ, но и въ классѣ. Учителя обыкновенно ходили въ классъ, спрашивали уроки, ставили баллы, наказывали и только. Рѣдко, кто когда объяснялъ или подготавливалъ съ учениками въ классѣ

урокъ къ слѣдующему дню. Естественно послѣ этого, что дѣти, возвратившись изъ школы и наскоро утоливши свой голодъ, дѣлились на группы: лѣнныя брались за шалости, а прилежныя за уроки съ тѣмъ, чтобы вечеромъ помочь своимъ лѣннымъ и мало-способнымъ товарищамъ и тѣмъ избавить ихъ отъ наказаній.

Эти трудолюбивые мальчики смотрѣли на школу, какъ на страшную темницу, горько оплакивали дни отъѣзда въ нее изъ домовъ родителей и съ такимъ замираніемъ сердца ожидали отпусковъ на каникулы, что за мѣсяць и болѣе считали дни, часы и минуты до тѣхъ счастливыхъ дней, когда болѣе богатымъ изъ нихъ приходилось уѣзжать домой, а большинству идти пѣшкомъ. Весело и радостно эта бѣднота собиралась въ путь, не взирая на всевозможныя трудности и опасности. Ни холодъ, ни грязь, ни весеннія лужи, ни разливы рѣкъ, ни что не останавливало такихъ путниковъ, лишь бы поскорѣе уйти изъ училища и добраться до родительскаго крова. А какія лишенія и опасности приходилось встрѣчать на пути такимъ бѣднякамъ, то описанію ихъ теперь, пожалуй, и не повѣритъ никто.

Единственнымъ утѣшеніемъ и удовольствіемъ для учащихся въ тогдашней школьной жизни можно посчитать существовавшія тогда, такъ называемыя, „рекреація“—лѣтнія прогулки въ лѣсъ, но и ихъ было не болѣе двухъ въ годъ и то только въ маѣ мѣсяцѣ, когда, дѣйствительно, ученики получали великое удовольствіе, съ большою радостью спѣшили въ лѣсъ и тамъ весело проводили цѣлый день на лонѣ весенней природы, наслаждаясь ея весенними прелестями, а остальное учебное время было мрачно, сухо и отвратительно. Болѣе счастливы были тѣ дѣти, которыя имѣли въ школѣ старшихъ братьевъ или близкихъ родственниковъ, тѣ все-таки чувствовали себя лучше и жизнерадостнѣй, а остальные часто обливали слезами свое бѣдное, жесткое ложе въ минуты ночной тишины. Не было для нихъ никакой отрады, мало ласкала ихъ родительская любовь, подавленная крайнею нуждою ихъ во всемъ необходимомъ не только для дѣтей, но и для нихъ самихъ, не ласкали ихъ и наставники, которые и сами были еще такъ молоды, что больше думали о себѣ. Только между старыми наставниками, которые, впрочемъ, были тогда большою рѣдкостью, можно было встрѣтить людей, хотя отчасти входившихъ въ тяжелое положеніе своихъ питомцевъ ¹⁾.

¹⁾ Таковы, кстати вспомнимъ добрымъ словомъ, были въ наше время учитель русскаго языка Иванъ Ивановичъ Воскресенскій, священной исторіи о. Іоаннъ Димитріевичъ Державинъ, впоследствии епископъ Псковскій Анто-

У этихъ людей многіе изъ насъ находили отеческое участіе. Они часто вступали въ бесѣды съ нами, входили въ наши нужды и, насколько могли, старались доставить намъ нѣкоторыя развлеченія въ родѣ игры въ лапту, словомъ, помогали намъ матеріально и нравственно, а отъ остальныхъ мы ничего не слыхали милаго, отраднаго, кромѣ „отвѣчай“, „садись“, „становись на колѣни“.

Такъ грустно, такъ формально, безучастно и уныло протекла наша училищная жизнь, но еще большая формальность, суровость и безучастность ожидали насъ въ семинаріи, куда намъ, хотя и немногимъ, Богъ судилъ поступить въ 1874 году.

Первое впечатлѣніе, полученное нами на первыхъ урокахъ въ семинаріи, помню, было весьма ужасное, не вызвавшее въ насъ ничего отраднаго, а одинъ только всеподавляющій страхъ. Какъ сейчасъ помню, что на первый урокъ пришелъ къ намъ учитель словесности, человѣкъ пожилой, угрюмый, сердитый. Прищуривъ глаза, онъ началъ внимательно всматриваться въ насъ и чрезъ нѣсколько минутъ сказалъ намъ такое привѣтствіе: „я думалъ, что къ намъ пріѣхали люди, а оказывается свиньи, что это у тебя за волосы“, обратился онъ тогда къ одному изъ товарищей и въ такой пріятной бесѣдѣ провелъ весь урокъ и затѣмъ, открывъ первую страницу учебника Стоюнина, приказалъ намъ выучить первый отдѣльчикъ, состоящій, помнится, изъ семи строкъ, и эти семь строкъ мы учили цѣлый годъ, а сей преподаватель занималъ насъ на урокахъ остротами и насмѣшками надъ тѣмъ или другимъ изъ товарищей. Въ концѣ года все это было заглажено выдачей намъ къ экзамену конспекта, въ вопросахъ котораго заключались отвѣты. На другой урокъ пришелъ учитель латинскаго языка для того только, чтобы задать намъ шесть строкъ изъ Тита-Ливія заучить такъ, чтобы каждый изъ насъ могъ наизусть прочесть ихъ, какъ сорока.

На третій урокъ пришелъ преподаватель священнаго писанія. Онъ въ этотъ разъ и впослѣдствіи обыкновенно говорилъ о чемъ-то стороннемъ, къ дѣлу не относящемся,—о какомъ-то третьемъ пунктѣ, по которому онъ когда-то, какъ мы узнали впослѣдствіи, уволенъ былъ со службы, бывши, кажется, секретаремъ консисторіи, и когда спрашивалъ насъ, то требовалъ, чтобы мы не смѣли смотрѣть на него, а если кто осмѣливался взглянуть, то получалъ двойку или еди-

нью и смотритель Семенъ Григоріевичъ Успенскій. Вѣчная имъ память за то, что они оставили въ насъ хотя нѣсколько пріятныхъ воспоминаній о нашей школьной жизни.

ницу. Конечно было, но очень не много, и хорошихъ, сравнительно сказать, преподавателей, но въ общемъ и въ семинаріи мало нашлось такихъ, которые внесли бы жизнь и сердце въ свое дѣло и такимъ образомъ оживили бы и ободрили насъ, своихъ питомцевъ. И здѣсь всюду было грустно, формально и безучастно.

Конечно, при такихъ условіяхъ и въ семинаріи не легче было, чѣмъ въ училищѣ. Учащіеся должны были преодолевать всевозможныя трудности своею личною энергіей; руководства и помощи не отъ кого было ожидать. Къ счастью, что тогда большимъ возбудителемъ личной энергіи учащихся была надежда на поступленіе въ университетъ, двери котораго тогда еще не были закрыты для семинарскихъ питомцевъ. Но съ 1878 года, когда доступъ въ университетъ былъ закрытъ для семинарскихъ воспитанниковъ требованіемъ отъ нихъ аттестатовъ зрѣлости, совершенно пала и личная энергія. Семинарія съ тѣхъ поръ обратилась въ какое-то безотрадное учрежденіе, въ какую-то темницу, охраняемую чисто-полицейскимъ надзоромъ лицъ инспекціи, которая заботилась только о томъ, какъ бы поскорѣе сбыть свое дежурство, сходить на молитву и загнать учащихся въ спальни, не справляясь, подготовлены ли ими ихъ уроки, преодолены ли ими всѣ трудности.

Такое отношеніе къ учащимся лицъ инспекторскаго надзора, конечно, озлобляло противъ нихъ всѣхъ, даже самыхъ благонамѣренныхъ и трудолюбивыхъ воспитанниковъ, и это озлобленіе часто выражалось окачиваніемъ холодной водой помощниковъ инспектора изъ оконъ умывальни, когда тѣ со злостью бѣгали по классамъ, стараясь выгнать изъ нихъ желающихъ еще заниматься. Такъ грустны и безотрадны были и дни семинарской жизни. Не даромъ, бывшіе воспитанники ея, обыкновенно, никогда не заглядываютъ въ нее, а стараются поскорѣе пройти мимо, какъ бы не замѣчая ея. А между тѣмъ въ ней прожита самая цвѣтущая юность, полная идеальныхъ и благородныхъ стремленій, и если бы пришлось окончить мое образованіе только тогдашней семинаріей, то пришлось бы, пожалуй, убѣдиться, что не только корень ученія горекъ, но и плоды его не слаще.

Совершенно иное впечатлѣніе произвела на меня духовная академія до 1884 года, въ которую, благодареніе Богу, мнѣ посчастливилось поступить въ 1880 году. Въ ней я увидѣлъ свѣтъ и отраду послѣ всѣхъ прожитыхъ мною горькихъ дней, въ ней я увидѣлъ живыхъ людей съ умомъ, сердцемъ и благороднымъ чувствомъ, и стало на душѣ легко и отрадно. Здѣсь я почувствовалъ интересъ къ наукѣ и благородному добровольному труду. Безъ всякихъ побужденій начальства я охотно ходилъ на лекціи и съ удовольствіемъ

ихъ слушалъ, хотя, сознаюсь, и не всегда онѣ были для насъ удобопонятны отъ недостатка въ нихъ обработки. Здѣсь я увидѣлъ отеческую заботливость о насъ и любовь къ намъ нашихъ наставниковъ и начальства. Большая часть изъ нихъ искренно любила свое дѣло, трудилась и любила насъ, какъ свое живое поле, которое имъ хотѣлось такъ воздѣлать, чтобы оно было плодоносно и растимо. И мы невольно увлекались ихъ любовью и благоговѣли предъ ними и преподаваемыми ими науками, стараясь сознательно и разумно работать. Чудные то были наши руководители¹⁾ и чудное то было время, не забуду его никогда! Но увы, скоро протекли эти счастливейшіе въ моей жизни четыре года. Съ большою скорбію я распростился съ любимыми профессорами, получивъ отъ нихъ на память карточки и выдающіеся труды и, усердно помолившись въ Братскомъ храмѣ предъ чудотворною иконою Божіей Матери, со слезами на глазахъ вынесъ свои пожитки изъ столь радушно пріютившаго меня зданія, грустно поѣхалъ на вокзалъ желѣзной дороги.

Мѣсяца черезъ два меня назначили на должность учителя въ одно изъ училищъ Юго-Западнаго края. Быстро я собрался въ путь, надѣясь по пути еще разъ взглянуть на тотъ чудный городъ и то милое зданіе, гдѣ я испыталъ все прекрасное въ моей жизни, и съ жаромъ взялся за дѣло, хотя дѣло мое было совершенно противоположное тому, надъ которымъ я съ охотой, не щадя здоровья, трудился въ академіи цѣлый годъ, избравъ его для спеціальнаго изученія подъ руководствомъ такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ епископъ Силивестръ, профессоръ Орнатскій, профессоръ Олесницкій... Но по привычкѣ и по бѣдности пришлось мнѣ смириться съ Богомъ данною мнѣ судьбою до тѣхъ поръ, пока жизненные обстоятельства не подавили во мнѣ возвышенное и идеальное и не сдѣлали для меня все безразличнымъ. Прежде всего старался я не быть похожимъ на многихъ своихъ учителей по училищу, но, не видя хорошихъ примѣровъ, долженъ былъ выработать изъ себя, насколько возможно, полезнаго и живого учителя,—что, однако, достигалось съ большимъ трудомъ.

Всѣ мои сослуживцы въ училищѣ оказались людьми съ высшимъ образованіемъ, но такіе же новички, какъ я. Всѣ мы были съ большими порывами, но оказались съ обрѣзанными крыльями. Каждому изъ насъ хотѣлось улетѣть въ тотъ идеальный міръ от-

¹⁾ Таковы были: епископъ Михаилъ, епископъ Силивестръ, Олесницкій А., Орнатскій, Малышевскій, Ливницкій и другіе, которые и до сихъ поръ еще украшаютъ академію.

влеченнаго мышленія, въ которомъ мы привыкли витать въ дорогой академіи, но малютки-ученики всегда охлаждали насъ своимъ непониманіемъ, происходившимъ отъ нашего неумѣнья къ нимъ приспособиться, быть для нихъ понятными.

Въ школѣ появилась другая крайность. Прежде, когда я учился въ ней, намъ почти ничего не объясняли, а теперь мы стали только объяснять и такъ объяснять, что объясненій было гораздо больше, чѣмъ въ учебникѣ, а посему ученики съ бѣльшимъ удовольствіемъ стали учиться по учебникамъ, чѣмъ пользоваться нашими объясненіями. Отсюда возникали между нами и учениками недоразумѣнія, взаимное непониманіе,—тѣ и другіе трудились, а результаты трудовъ другъ-друга не удовлетворяли. Такъ это обстоитъ и до сихъ поръ. Причина такого положенія учебнаго дѣла, какъ въ шестидесятыхъ годахъ, такъ и теперь, одна и та же, а именно полная неподготовленность наша и неприспособленность къ тому дѣлу, къ которому насъ приставляли, особенно въ низшей школѣ, гдѣ не столько высшее образованіе важно, сколько практическая подготовленность къ дѣлу и умѣнье приспособиться къ дѣтскому пониманію, а этого-то и не даютъ намъ наши академіи.

Правда, въ академіяхъ до 1884 года насъ подготовляли къ преподавательству, но только въ семинаріяхъ, хотя, при этомъ, почему-то назначали насъ большею частію не на тѣ предметы, по которымъ мы подготовлялись. Въ академіяхъ до 1884 года каждый изъ насъ на четвертомъ курсѣ цѣлый годъ изучалъ свой, выбранный по вкусу, предметъ, говорилъ лекціи въ присутствіи соспеціалистовъ-товарищей и профессора, и въ концѣ года сдавалъ по этому предмету такъ называемый магистрантскій экзаменъ и три пробныя лекціи въ присутствіи комиссіи профессоровъ-спеціалистовъ, но эта подготовка приравнивалась къ семинаріи, а не къ училищу, а въ академіяхъ съ 1884 года и этого нѣтъ.

Съ 1884 года академіи обратились въ какіе-то повторительные семинарскіе курсы. Студенты были обременены массою предметовъ и лекцій, основательно разобратся въ которыхъ не было никакой физической возможности, а посему естественно они теряютъ тотъ идеализмъ, который въ большинствѣ случаевъ царилъ въ академіяхъ до 1884 года, и которымъ они выдѣлялись изъ ряду другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ имъ и подлежало, какъ высшей духовной школѣ.

Итакъ изъ всего сказаннаго ясно, почему корень ученія горекъ. Онъ былъ горекъ въ старину, когда не было образованныхъ учителей, когда не было выработано усовершенствованныхъ пріемовъ обученія, но теперь онъ горекъ, если только горекъ, то только

потому, что мы не умѣемъ, не хотимъ до сихъ поръ воспользо-ваться той простой истиной, что всякое дѣло своего мастера боится. Вѣдь всякій опытный хозяинъ, желающій, чтобы все въ его хозяйствѣ пошло хорошо, несомнѣнно постарается по-ручить всякую отрасль своего хозяйства настоящему ея мастеру. Такъ и въ учебномъ дѣлѣ. Если мы желаемъ, чтобы оно шло хорошо, то необходимо поручать его мастерамъ, спеціально къ тому подготовленнымъ, но у насъ ихъ до сихъ поръ нѣтъ, до и о приобрѣтеніи ихъ мы и не думаемъ. Думаютъ помочь дѣлу такой или иной растасовкой учебныхъ предметовъ, такимъ или инымъ распредѣленіемъ разныхъ должностей, но не въ этомъ дѣло. Мнѣ думается, что необходимо, чтобы помочь дѣлу, во всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ отводить, хотя бы по одному или два года на практическую подготовку къ тому дѣлу, къ которому заведеніе думаетъ приставить своихъ питомцевъ, конечно согласно съ ихъ склонностями и расположеніемъ, и безъ этого, какъ мы до сихъ поръ ни садились, и какъ убѣждаетъ насъ дѣйствительность, въ музыканты не годились.

Мы вѣдь теперь сѣтуемъ, что воспитанники семинаріи не идутъ во священники, а никто до сихъ поръ не обратитъ вниманія на то, что наши воспитанники семинаріи теперь выходятъ изъ заведенія 19 лѣтъ, т. е. въ такомъ еще юномъ возрастѣ, что рѣшиться при настоящихъ условіяхъ взять на себя обязанности священника значило бы совершенно не уважать его, какъ пресвитера, требующаго гораздо болѣе жизненнаго опыта, чѣмъ отъ кандидата на всякую другую должность. Отсюда естественно заключить, что нежеланіе быть священникомъ удерживаетъ семинаристовъ отъ священства, а высокое пониманіе ими важности и отвѣтственности этого сана и глубокое уваженіе къ нему.

Если бы вотъ нашли возможнымъ при семинаріяхъ отвести хотя бы одинъ послѣдній годъ на курсъ спеціально педагогическій и церковно-практическій, распредѣливъ существующіе теперь предметы послѣднихъ четырехъ классовъ на пять лѣтъ кромѣ шестого практическаго, а два низшихъ класса присоединить къ училищамъ, обративъ ихъ въ шестиклассныя, то тогда, мнѣ думается, можно бы надѣяться, что семинаристы, окончивъ курсъ около 22 лѣтъ, почувствовали бы себя болѣе пригодными къ занятію отвѣтственнаго званія пресвитера и учителя, а также и кандидаты академій, побывши одинъ годъ, хотя бы, на практикѣ подъ руководствомъ опытныхъ училищныхъ и семинарскихъ наставниковъ, болѣе смѣло, твердо и цѣлесообразно брались бы за дѣло учительства, чувствуя себя значительно подготовленными къ нему.

Вообще же желательно было бы при этомъ, чтобы образованіе и воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ поставлено было такъ, что бы оно касалось всѣхъ сторонъ человѣческаго существа: ума, сердца и воли, и всѣ эти способности, а равно и физическое здоровье дѣтей развивалось равномерно, чтобы наставники настолько были знакомы съ своимъ матеріаломъ, что умѣли бы, какъ опытные портные, пользоваться имъ цѣлесообразно, съ наименьшею затратою и времени и силъ какъ своихъ, такъ и дѣтскихъ, и чтобы дѣти выходили изъ ихъ рукъ не „однобокими“, какъ говоритъ профессоръ Сикорскій, а цѣльными людьми, способными разсуждать всесторонне, разумно, серьезно, правильно и вполнѣ практично.

Старый педагогъ П. Н. С.

